

МОРФОЛОГИЯ И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

УДК 811.161.1

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПОРЯДКОВЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Э.А. Балалыкина

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы определения места порядковых числительных в грамматической системе русского языка. Высказывается гипотеза (на основании этимологических данных), что значение признака у подобных порядковых слов было искони первичным, а числовая семантика – вторичной. Определяется соотношение числовых обозначений и порядковых слов в исторической ретроспективе.

Вопрос о функциональных особенностях порядковых слов и о положении этой группы лексем в современном русском языке является достаточно сложным и спорным. По мнению большинства современных учёных-грамматистов и их предшественников, при определении статуса порядковых слов необходимо решить вопрос об их «принадлежности к числительным или прилагательным» [1, с. 93]. В решении этого вопроса грамматисты разделяются во мнениях. Одни склонны относить порядковые слова к категории числительных на основании выражения ими лексического значения числа; другие опираются на сходство подобных лексем с именами прилагательными на основании морфологических, словоизменительных и грамматических особенностей, а потому, по их мнению, «правильнее, в соответствии с их свойствами, называть эти слова порядковыми прилагательными» [2, с. 23]. Но обе указанные точки зрения характеризуются некоторой односторонностью, а порой и противоречивостью. Большинство исследований, посвященных определению статуса порядковых слов, указывает на маргинальное, неопределенное их положение в грамматической системе языка, поскольку авторы подобных работ пытаются решить эту проблему, рассматривая порядковые слова лишь с точки зрения указанных выше параметров, то есть учитывая либо их морфологические свойства (что дает основание отнести эти слова к именам прилагательным), либо выражаемое в целом ряде случаев основное, нормативное лексическое значение – порядок при счете (что позволяет отнести их к числительным).

Особого внимания заслуживает точка зрения В.В. Виноградова, относящего счетно-порядковые слова к группе относительных имен прилагательных, и А.Е. Супруна, считавшего, что «порядковые относятся к прилагательным, составляя в них группу относительных порядковых прилагательных» [3, с. 106]. В.В. Виноградов определял порядковые слова как порядковые относительные прилагательные, считая, что совпадающая с именами прилагательными система склонения порядковых числительных, их согласуемость в роде, числе и падеже с именами существительными, при которых они выступают в роли определения, словообразовательные формы и соответствующий инвентарь аффиксов – всё это дает известное основание относить порядковые числительные к классу прилагательных [4, с. 192–193]. Однако В.В. Виноградов одновременно отмечает и отличия подобных слов от соответствующих прилагательных, связанные с их особым лексическим значением, выражающим количественное понятие, что имеет непосредственное отношение к числу и порядку при счёте [5, с. 232]. Указанные мнения оказали определенное влияние на последующие взгляды лингвистов, определяющих порядковые слова как счетные прилагательные, но они не нашли общего признания, и в большинстве современных грамматик эти слова, как правило, относятся к разряду числительных.

Между тем интересно заметить, что уже в глубокой древности, в эпоху древнерусского языка, счетно-порядковые слова занимали промежуточное положение между именами числительными и именами прилагательными. Имея тесные лексические и словообразовательные связи с наименованиями чисел при счете (то есть собственно числительными), они изменялись по адъективному типу склонения и часто выражали отвлеченные (качественные) значения.

Определенный свет на указанную проблему может пролить решение вопроса о происхождении порядковых слов. Во всех этимологических словарях русского языка отмечается общеславянский характер так называемых порядковых числительных, а также указываются их соответствия в других древних и новых индоевропейских языках: древнеиндийском, древнеперсидском, авестийском, тохарском, древнепрусском, немецком, арабском, армянском, греческом и т. д., а также в балтийских языках. Следовательно, слова, обозначающие порядок при счёте, появились ещё на индоевропейской почве, откуда они, очевидно, через этап балтийско-славянской общности унаследованы и славянскими языками, ведущими своё начало от общеславянского языка. Вот почему именно этимологический и этимолого-словообразовательный анализ порядковых слов может доказать, что у них были определённые словообразовательные и грамматические особенности, искони указывавшие как на независимое от числа отвлеченное значение, так и на значение признака по месту, занимаемому предметом в счётном ряду (связанное с самым общим отношением к этому числу).

Все порядковые слова-числительные сформировались на базе индоевропейских корней. Судя по данным этимологических словарей русского языка, слово *первый* (древнерус. *първъ, първыи*, общеслав. *рървъ, рървъј*) первоначально значило «прежний», «ветхий», «древний» и было образовано от индоевропейского корня *per-* «движение вперёд», «стремление» (ср. др.-инд. *piparti* – «двигает вперёд», греч. *πρότερος* – сравнительная степень от *πρό* «впереди, перед чем-либо», лат. *porta* – «ворота», «дверь», рус. *переть* – «тащить», «дви-

гать»). Как видно из приведенных примеров, в слове *первый* искони сформировалось предельно отвлеченное значение (связанное со значением индоевропейского корня), которое впоследствии конкретизировалось до обозначения места в ряду чисел. При этом в слове *первый* исторически заложено значение своеобразной превосходной степени сравнения, которое выражено в самой его основе: *per-* (санскр. *pra-*, лат. *pri-*) – «передний», «превосходящий» (как известно, индоевропейское *per-* отражено также в русской приставке *пре-*, использующейся для выражения значения превосходства в составе производного прилагательного). В церковнославянском и древнерусском *первый*, *первое*, *перво* употреблялись в значении «прежний», «ветхий», «древний» и изменялись по степеням сравнения [10, с. 432].

Сторонники иной точки зрения склонны отмечать прежде всего близость современных порядковых слов и количественных числительных, указывая, что «числительные порядковые имена <...> сходны по корням своим с количественными» [6, с. 181]. Однако особняком в этом отношении стоит слово *первый* – супплетивная форма при количественном числительном *один*. Ещё В.И. Шерцль в своё время выделял это слово из группы остальных порядковых числительных, замечая, что «им, собственно, ещё никакой порядок не означается» [7, с. 114], так как оно является началом отсчёта, неким эталоном, тогда как остальные лексемы ряда *первый* – *десятый* указывают на «количество предметов и расстояние от единицы» [6, с. 179]. Слово *первый* уже в древнеславянских текстах, и, соответственно, в исходном для них греческом языке, обладало богатой семантической палитрой. *Первый* – это «старший», «главный», «важнейший», «лучший», «прежний» и т. д. [13, с. 81]. Необходимо отметить, что и слово *один* обладало в древнерусском языке многообразием значений, становясь по их основным особенностям чрезвычайно близким то прилагательным, то местоимениям. *Один* – это «единственный», «что-либо отдельное, один предмет», «общий, единый, нераздельный» и т. д. [13, с. 67]. Отголоском древнейших отношений является и современное *первый* в значении «начальный», «самый важный», «лучший из всех» и т. д. (*первый ученик*, *первые шаги*, *первый сорт*, *первое дело* и т. д.). Современное литовское *pirmas* (также супплетивное по отношению к *vienas* «один»), сохранившее древнейший облик этого слова, предельно соответствует славянскому *ръгвьъ* и отражает индоевропейское чередование сонантов в пределах одного корня типа литовское *m* : славянское *v*. При этом *vienas* – это не только «один», но и «некто, некий» и др.: *Kas jis per vienas?* – «Кто он такой?». В литовском языке слово *pirmas* также способно выражать качественные значения: *pirmas mokinys* – «лучший ученик».

Слово *второй* (древнерус. *въторыи*, общеслав. *въторъ*, *въторъь*) образовано от праславянского корня *вторъ* «второй». Дальнейшее развитие этого слова объясняется по-разному. Одни учёные (П.Я. Черных, М. Фасмер, В.Я. Богородицкий) связывают его с древнеиндийским *vitaraś* «ведущий далее». Другие (С.П. Цыганенко, А.Г. Преображенский) возводят его к индоевропейскому **antoros* «второй» и связывают его с древнеиндийским *antaras* «иной», готским *anþar* «другой», латинским *alter* «другой», «один из двух» (где корневой *l* также отражает древнейшее чередование с сонантом *n*). Авторы этимологических

исследований полагают, что в славянских языках звук *l* по целому ряду фонетических причин мог превращаться в сонант *й*, который, в свою очередь, дал *ъ* (*й* > *ъ*), перед которым развился протетический звук *в* (отсюда старослав. *въторыи*). Таким образом, согласно указанной этимологии, слово *второй* первоначально означало «иной», «другой», выражая довольно отвлеченную семантику. Доказательством этому служат следующие индоевропейские соответствия: санскр. *antaras* «другой», лит. *antras* «иной», прус. *antars*, гот. *anþar*, греч. *ἄτερος* и др. Современное *второй* также отражает древнейший супплетивизм форм типа *два* – *второй* и семантические оттенки, связанные со своеобразной градацией по признакам качества: *второй* – это «не главный, второстепенный», «уступающий по качеству первому» (*второй сорт*, *вторая свежесть*, *играть вторую скрипку* и т. д.). Современное литовское *du* – *antras* представляет тот же супплетивизм и способность к выражению древней семантики в пределах слова *antras*: *antra vertus* – «с другой стороны».

По замечанию В.И. Шерцля, форма порядкового *второй* представляет собой «переход от весьма неправильного числительного *первый* к тому числительному, с которого начинается уже ряд весьма правильных форм – *третий*» [7, с. 122]. Таким образом, начиная со слова *третий*, счётный ряд представляет собой «уже ряд правильно образованных порядковых числительных, и это не только в индоевропейских языках, но и в большинстве всех остальных отраслей» [7 с. 127]. Порядковые слова *третий* (древнерус. *третиии*, общеслав. *treťjъ*), *четвёртый* (древнерус. *четвьртыи*, общеслав. *četvŕťь*, *četvŕťjъ*), *пятый* (древнерус. *пятыи*, общеслав. *peťь*, *peťjъ*), *шестой* (древнерус. *шестыи*, общеслав. *šestъ*, *šestjъ*), *девятый* (древнерус. *девятыи*, общеслав. *devetъ*, *devetjъ*), *десятый* (древнерус. *десятыи*, общеслав. *desetъ*, *desetjъ*) развились соответственно из индоевропейских основ: *tre-*, *keturt(o)-*, *penkt-*, *suekt-*, *neuen-*, *dekmt*. Ср. литовский ряд слов, сохранивший древнейшее состояние: *trečias*, *ketvirtas*, *penktas*, *šeštas*, *septintas*, *aštuntas*, *dešimtas*. Начальное *д* в слове *девятый* развилось из *n* под влиянием идущего следом слова *десятый* [10, с. 215]. Вот почему в источниках фиксируются соответствующие индоевропейские образования как с начальным *d*, так и с начальным *n* (ср. гот. *niunda* «девятый», древнепрус. *newints*, древнесканд. *niundl*, нем. *neun*, лат. *novem*). Индоевропейское сочетание звуков *en* на славянской почве дало в результате упрощения носовой гласный *ѣ* (**penktōs* > *nѣть*), а затем гласный *a* (*nѣть* > *нѣть*), в результате упрощения группы согласных *-nkt-* произошло выпадение заднеязычного *k* (*penkt* > *pent* > *nѣт-*). В слове *шестой* заднеязычный элемент подвергся процессу диссимиляции по способу образования (*-kt-* > *-st-*). В слове *девятый* в результате соположения дифтонга **ей* и гласного звука *e* произошло преобразование дифтонга (*-eue-* > *-ев-*), а сочетание гласного *e* с носовым согласным упростилось в *ѣ*, а затем в *'a* (*-euen-* > *-евѣ-* > *-евя-*). Сочетание согласных *-kmt-* на балто-славянской почве в архетипе слова *десятый* преобразовалось по фонетическим причинам в *-сят-*: *dekmt-* > *desimt-* > *десѣть*. В качестве словообразовательного средства для формирования основ современных порядковых слов выступает индоевропейский суффикс *-t-* как остаток суффикса **-tor-* (*-ter-*), представленного полностью в слове *второй* и указывающего на сравнительную степень признака предмета. Элемент *-t-* не содержится в лексемах *первый*,

седьмой, восьмой, однако их индоевропейские соответствия сохраняют его былое наличие: ср. англ. *first*, нем. *erste*, исланд. *fursta* «первый» и т. д. Порядковое слово *седьмой* (древнерус. *семый*, общеслав. *sedmъ*) образовано от индоевропейской основы *septm-*, при этом суффикс *-t-* выпал в результате упрощения группы согласных в славянских языках: *-ptm-* > *-m-* (отсюда древнерусское *семи*), но он присутствует в других индоевропейских соответствующих образованиях (санскр. *saptamas*, перс. *haftum*, лат. *septimus*, ирл. *Sechtmad*, древненем. *Sibunto*, лит. *septintas* и т. д.). Форма *восьмой* (древнерус. *осьми*, общеслав. *ostъ, ostъjъ*) образована от индоевропейской основы **oct-*, сохранившейся в латинском языке в слове *octavus* «восьмой». В балто-славянских языках эта основа в результате диссимиляции дала форму *ostъ*, а затем упростилась в *ostъ*, как полагают некоторые исследователи, под влиянием формы *sedmъ*. Позже восточнославянские языки развивают начальное протетическое *в* в слове *восьмой*.

Исходя из того, что порядковые слова «показывают большие или меньшие расстояния чисел от единицы и единицы от чисел» [6, с. 205], можно предположить, что указанное выше значение превосходства основы порядкового *первый* обусловило и наличие суффикса *-m-* как показателя сравнительной степени у остальных счётно-порядковых лексем. Элемент *-m-*, указывая на удалённость от единицы (*первый*), одновременно указывает на признак предмета по его месту при счёте по сравнению с эталоном начала отсчёта (*первый*). Исследователи этимологии порядковых слов (В.И. Шерцль, Г.П. Павский, В.А. Богородицкий, А.Г. Преображенский) полагают, что индоевропейский суффикс *-t-* у порядковых слов является выразителем сравнительной степени признака определяемого предмета. По мнению В.А. Богородицкого, этот суффикс представляет собой остаток элемента *-top-* (санскр. *-tarah-*, лат. *-ter-*), представленного в словах *второй* и *который*. Как было показано выше, суффиксальный *-t-* сохраняется практически во всех порядковых числительных современного литовского языка: *ketvir-t-as* – *четвер-м-ый*, *penk-t-as* – *пятый*, *šeš-t-as* – *шестой*, *septin-t-as* – *седьмой*, *aštuntas* – *восьмой* и т. д.

Таким образом, двойственность значения современных порядковых слов заложена в самой их этимологии: с одной стороны, они указывают на порядок предметов при счёте (и суффикс *-m-* здесь отражает восхождение по линии чисел, поскольку счётно-порядковый ряд соотносён с рядом количественных числительных, в котором каждое последующее слово указывает на число более крупное, чем предшествующее); с другой стороны, этот суффикс изначально является выразителем степени сравнения, то есть указывает на признак, свойственный именам прилагательным. Следовательно, выражение признака предмета (в данном случае сравнительной степени) исторически свойственно порядковым словам, и можно предположить, что это обстоятельство повлияло на способность этих лексем развивать качественные значения в современном русском языке. Определенную роль сыграл и тот факт, что слова *пять, шесть, десять, сорок, тысяча* и т. д., от которых были образованы порядковые слова, этимологически не что иное, как существительные, обладавшие категорией рода и числа. *Пять, шесть, десять, тысяча* были существительными женского рода, *сорок* – мужского, *сто, девяносто* – среднего. Отсюда и сочетаемость в

древнерусском языке: *та десять, в ту десять, другая пять* и т. д. [11, с. 433]. В связи с этим можно отметить определенную связь между этимологией порядковых слов, их соотносённостью с указанными количественными словами и спецификой семантики. Слова *первый* и *второй* в настоящее время определяются как супплетивные образования от количественных числительных *один* и *два*, занимая, таким образом, особое место в ряду счётных лексем, поскольку и в области словообразования (супплетивизм), и в семантическом плане они выделяются из ряда счётно-порядковых единиц, обладая наибольшей способностью развивать значения свойства-качества. Начиная со слова *третий*, по замечанию В.И. Шерцля, порядковые слова представляют собой уже ряд «правильно образованных» форм, что приводит к утрате ярко выраженной способности приобретать смысловые оттенки качества в семантическом плане. Правда, в современном русском языке порядковые числительные в результате переосмысления словообразовательных отношений начинают восприниматься как производные от соответствующих количественных при осложнении нулевой суффиксацией, сопровождающейся чередованием мягкого и твердого согласного: *пять* > *пятой*, *шесть* > *шестой* и т. д. Таким образом, этимологические, словообразовательные и семантические особенности порядковых слов тесно связаны между собой. Вот почему они изначально занимают промежуточное положение между именами числительными и именами прилагательными.

В этом отношении интересной и показательной является исконная семантика суффикса *-т-*, указывающего как на восхождение по линии чисел, так и на «восхождение по степени» признака предмета. В настоящее время суффикс *-т-* не выделяется как самостоятельный словообразовательный элемент в пределах адективов, однако он может быть выделен этимологически в кругу исторически производных аффиксов, оформляющих словообразовательную структуру различных имён прилагательных и обладающих значением «возведения по степени». Это прежде всего суффиксы *-ат-* и *-ит-*, возникшие некогда в результате осложнения древнейшим *-t-* существительных **-ā-* и **-ī-* основ и явившиеся результатом морфологического процесса переразложения. В современном русском языке суффикс *-ат-* не относится к числу продуктивных морфем, общее количество прилагательных на *-атый* не превышает 50 форм. Они выражают значение обладания чем-то, указанным мотивирующим словом, которое называет части тела человека и животных, и обособились в лексико-грамматическом отношении, поскольку оформляют, как правило, лишь узкий круг соматической лексики. Если название части тела относится к числу обязательных аксессуаров человека, то производное прилагательное на *-атый* приобретает общее значение «наделенный чем-либо большого размера». Отсюда: *горбатый* – «имеющий горб», *крылатый* – «с крыльями» и т. д., но *бородатый* – «с большой бородой», *волосатый* – «покрытый, обросший волосами», *зубатый* – «с большим количеством зубов» и т. д. Своеобразие указанного значения было отмечено ещё Г. Павским: «...окончание *-ат-* переводит имена существительные в прилагательные, иногда в простые, иногда в увеличительные. Прилагательные без увеличения: от *жена* – *женатый*, от *рог* – *рогатый* значат не более как “имеющий жену, рога”. Прилагательные с увеличением: *носатый*, *глазатый*, *брюхатая*» [6, с. 107]. Производным от *-атый* явился суффикс *-ова-*

тый, который искони служит для выражения безотносительной степени признака. Прилагательные на *-оватый* (*-еватый*), будучи производными от указанного *-атый*, при выражении общего значения подобия тому, что указано мотивирующим словом, обозначают ослабленный качественный признак: *мужиковатый* – «простоватый, грубоватый», *дубоватый* – «тупой, глупый, глуповатый», *мешковатый* – «неловкий в движениях, неповоротливый, неуклюжий» и т. д. Прилагательные подобного типа уже утрачивают прямые словообразовательные связи с мотивирующим существительным (типа *дуб* или *мешок*), подвергшимся семантическому переосмыслению на базе сходства. Способность прилагательных на *-оватый*, *-еватый* к варьированию противоположных семантических оттенков свидетельствует об их стремлении закрепиться в сфере тех образований, которые, по словам В.Г. Белинского, выражают «степень величины» [8, с. 615]: *желтоватый*, *глуповатый*, *красноватый*, *ноздреватый*, *широковатый*, *грубоватый*, *плоховатый* и т. д. Причем эти формы нельзя отнести к субъективно-оценочным образованиям, поскольку они не привносят этого оттенка в семантику производного адъектива. Вот как об этом писал К.С. Аксаков: «*Беловат*, *белесоват* не выражают личного впечатления, а обозначают самое качество» [9, с. 490].

Суффикс *-ит-* крайне непродуктивен в современном русском языке. Примеры типа *именитый* или *знаменитый* относятся к числу единичных. Однако в древнерусском языке подобных образований было значительно больше. Основной семантический оттенок, выражаемый прилагательными на *-итый* при мотивации существительными в этот период, – «обладающий в большом количестве тем, что обозначает производящее слово». Например: *оспитый* – «полный, усыпанный оспой» при *осъпа* – «сыпная болезнь, чума»; *тѣлеситый* – «крепкий телом»; *удолитый* – «изборожденный» при *удоль* «ложбина, яма, впадина»; *черевитый* – «толстый» при *черев* «живот, брюхо, утроба» и т. д. (Срезн.). Подобное значение сохраняется и в небольшом количестве форм современного русского языка: *именитый*, *маститый*, *знаменитый*. Производные от этого суффикса морфемы типа *-овит-*, *-евит-* образуют прилагательные со значением качества, имеющегося, как правило, в большом количестве: *деловитый*, *даровитый*, *плодовитый*, *толковитый* и т. д. Древнейший суффиксальный элемент *-т-* входит в состав и другого аффикса, служащего для выражения степени признака в современном языке, *-аст-* (*-яст-*), который участвует в образовании имён прилагательных, характеризующих лиц или животных по той или иной черте внешности, обычно значительного размера: *глазастый*, *мордастый*, *ноздрястый* и т. д. Суффикс *-ист-*, также содержащий элемент *-т-*, участвует в образовании различных по значению имён прилагательных, указывающих, как правило, на «наличие чего-либо в большом количестве»: *голосистый*, *йодистый*, *скалистый*, *жилистый*; или – наоборот – «наличие чего-либо в небольшом количестве, с содержанием примеси чего-нибудь»: *водянистый*, *землистый*, *мучнистый*, *шелковистый* и т. д.

Таким образом, аффиксы, содержащие элемент *-т-*, как правило, не производят в современном языке регулярных и частотных образований и в большинстве своём являются не очень продуктивными. На наш взгляд, это объясняется, во-первых, тем, что индоевропейский суффикс *-т-*, представляющий собой

смысловое ядро вышперечисленных современных суффиксов, является архаичным, его значение в настоящее время затушёвано, неясно, и во-вторых, в силу специфики семантики – указание на степень признака – эти суффиксы не имеют широкой сферы применения (они используются только там, где признак можно «возвести на степени»). Однако анализ словообразовательных средств имён прилагательных доказывает, что суффикс *-т-*, участвовавший в образовании порядковых слов ещё на индоевропейской почве, не был утрачен, а сохранился в современном русском языке в составе других морфем, причём, как следует из семантики слов, образованных с помощью этих суффиксов, они в какой-то степени сохраняют своё исконное значение, связанное с указанием на степень признака предмета. По мнению В.А. Богородицкого, подобные суффиксы «служат для усиления или ослабления признака, также для придания прилагательным увеличительного или уменьшительного характера» [9, с. 212]. Не вызывает сомнения, что подобная семантика указанных суффиксов сохраняет в определенной степени их индоевропейскую способность выражать степень признака, откуда и более позднее назначение порядковых слов – обозначать восхождение по лестнице чисел.

Некоторые исследователи полагают, что порядковые слова представляли собственно не что иное, как числительные количественные в форме прилагательных. Данные этимологических словарей русского языка подтверждают предположение о первичности форм некоторых порядковых слов по отношению к количественным числительным. Не случайно порядковые лексемы *первый, второй, третий, четвёртый* имеют особую соотнесённость с основами количественных числительных. Многие исследователи (А.А. Шахматов, Л.А. Булаховский, Л.А. Дровникова и другие) предполагают, что числительные *один, два, три, четыре* в древнерусском языке были счётными прилагательными и знали категории рода, числа, падежа, зависели от определяемого ими имени существительного. Их основы послужили базой для образования соответствующих порядковых форм, то есть последние имели отъядъективное происхождение. По мнению А.Е. Супруна, «исторически в качестве обозначения количества стали использоваться существительные, образованные от порядковых прилагательных» [12, с.10]. В своих работах по истории числительных он доказывает, что в праславянский период развития языка параллельно существовали две группы числительных – числительные-«существительные» и числительные-«прилагательные». Судя по данным древнейших источников, числительные-прилагательные (*peťь, šestь, sedmь, osmь, devetь, desetь*) являются теми ранними образованиями, которые возникли в рамках нерасчленённого имени и обозначали не только признак предмета по месту, занимаемому им в счётном ряду, но и «количество всех предметов в данной совокупности» [12, с. 10], ибо счёт завершался на последнем упоминаемом порядковом в выражениях типа *сам-пят*. Местоимения *сам, сама, само* служили для обозначения одного, и притом главного, между многими известного числа: *сам-пят, сам-шест, сам-сем* и т. д. *В семье сам-шест* значило *сам хозяин шестой, а остальных пятеро* [11, с. 430]. Современные же количественные числительные (числительные-существительные) возникли на базе праславянских порядковых прилагательных при помощи суффикса *-ьj-*, изменив тип склонения (*pΔtь > pΔtь, šestь >*

šestь, sedmь > sedmь, osmь > osmь, devьtь > devьtь, desьtь > desьtь), и их первичным значением было «общее значение отвлечения, абстрактизации признака» [12, с. 11]. Числительные-существительные обозначали, по выражению А.Е. Супруна, «определённое свойство», тогда как числительные-прилагательные указывали на «свойство как признак» недифференцированно с другими адъективными лексемами.

Таким образом, уже в древнерусском языке количественные числительные воспринимались как имена существительные, а порядковые слова – как имена прилагательные, образуемые от них и соотносённые с ними по своим основам и семантике, а потому исторически и на протяжении всего своего развития порядковые слова так или иначе соотносились как с собственно числительными, так и с прилагательными. Эта соотносённость, на наш взгляд, в немалой степени обусловила особенное положение этих слов в семантическом и грамматическом плане: указывая на порядок при счёте, они отражают восхождение по линии чисел соотносительно с рядом количественных числительных. Поскольку они этимологически связаны с именами, обозначающими признак предмета по его качеству (именами прилагательными), то можно предположить, что это обстоятельство также повлияло на способность порядковых слов в современном русском языке помимо основного значения отношения к числу развивать семантические оттенки качества, как бы сохраняя и отражая древнейшие отношения в пределах этой достаточно спорной группы имен.

Summary

E.A. Balalykina. On the Question of the Origin of Ordinal Numbers in the Grammatical System of the Russian Language.

The problems of defining the place of ordinal numbers in the grammatical system of the Russian language are considered in the article. On the basis of etymological data, the author puts forward a hypothesis that the attributive meaning of such cardinal numbers was prior to their quantitative meaning. The correlation of numeral designations and ordinal words is defined in the article from the historical perspective.

Литература

1. Буланин Л.Л. Трудные вопросы морфологии. – М.: Просвещение, 1976. – 297 с.
2. Супрун А.Е. Славянские числительные. – Фрунзе: Изд-во Киргизск. ун-та, 1961. – 107 с.
3. Супрун А.Е. Имя числительное и его изучение в школе. – М.: Учпедгиз, 1964. – 159 с.
4. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.: Высш. шк., 1972. – 614 с.
5. Современный русский язык. Морфология / Под ред. В.В. Виноградова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1952. – 520 с.
6. Павский Г.Г. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение второе. Об именах прилагательных, числительных и местоимениях. – СПб., 1850. – 314 с.
7. Шерцль В.И. Об именах числительных в индоевропейской отрасли, их развитии и отношении к числительным других отраслей. – Харьков, 1879. – 178 с.

8. *Белинский В.Г.* Основания русской грамматики // Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 2. – М.: Изд-во АН СССР, 1953.
9. *Аксаков К.С.* Сочинения филологические // Полн. собр. соч. Т. 2. Ч. 1. – М., 1875.
10. *Богородицкий В.А.* Общий курс русской грамматики. – Казань, 1911. – 495 с.
11. *Буслаев Ф.И.* Историческая грамматика русского языка. – М.: Учпедгиз, 1959. – 625 с.
12. *Супрун А.Е.* Славянские числительные. Становление числительных как особой части речи. – Минск: Изд-во Белорус. ун-та, 1969. – 232 с.
13. *Жолобов О.Ф.* Историческая грамматика русского языка. Числительные. – М.: Азбуковник, 2006. – 358 с.

Поступила в редакцию
03.12.07

Балалыкина Эмилия Агафоновна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой современного русского языка и русского языка как иностранного Казанского государственного университета.

E-mail: Emilia.Balalykina@ksu.ru